

Борис Егоров

18+

Лебединая песня
раздолбая

Борис Егоров

Лебединая песня раздолбая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617770

ISBN 9785448329937

Аннотация

Эта книга о том, что – всему свое время. Автор прожил почти всю жизнь, нарушая Божьи заповеди – все подряд. Но – «Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него». (Наум.1:7) Остановился заблудший, оглянулся. И доверился Господу, предал свой путь Ему. В результате получил, наконец, долгожданное успокоение души. Аминь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Рога и копыта	5
Увертюра	5
«Где гранаты... твою мать?!!»	6
Что посеешь...	15
«Лопатой по голове... это жестоко!»	18
Папа напрокат	22
Как я сам себе могилу выкопал	26
Водка, лыжи и смысл жизни	32
Диклофенак и ствол	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лебединая песня раздолбая

Борис Егоров

*Все, что здесь
написано в первой
половине книги – я
выдумал, век свободы
не видать!
А совпадения – они и
есть совпадения...*

© Борис Егоров, 2016

ISBN 978-5-4483-2993-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А если читать лень, или утомительно для тела – можете просто песню послушать. И сразу станет все ясно...

<https://soundcloud.com/user415084986/ws4clidgvbc8>

Рога и копыта

Увертюра

По каким-таким причинам я попал в Казахстан и кувыр-кался там без документов семнадцать лет – при желании можно прочитать в моей книжке «Воробей в пустой конюшне, или Исповедь раздолбая – 2». Ну, а коротко – если бы я не залег на дно, то, скорее всего, был бы давным-давно закопан в каком-нибудь симпатичном лесочке, или до сих пор стоял бы в виде скелета в тазике с цементом на дне Москвы-реки.

Но, как говорила мне уже в Германии моя государственная опекунша фрау Зоммер: «Борис, у вас потрясающая способность притягивать к себе всякие неприятности и недоразумения!»

Воистину, так оно и есть. В Казахстане мне опять же пришлось не раз вспоминать и применять все то, чему я научился в недобрые для меня московские года, и что я выбросил бы насовсем из памяти с большим удовольствием.

Давным-давно сказано в Библии: «Иак.1:8 Человек с двоющимися мыслями не тверд во всех путях своих». Аминь.

«Где гранаты... твою мать?!!»

Закончил я ремонт усадьбы своего эксплуататора Сергея, и он тут же переселил меня из летней кухни в свою контору. Я не удивился этому, потому, как давно чуял, что Сереге не нравятся мои хохотушки с его женой Лизой, и то, что двое детей его хвостом за мной ходят и не бегут, как раньше, встречать папу.

Контора располагалась на центральной улице райцентра в трехкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажки. В одной комнате был кабинет Сергея, в другой – бухгалтерия, а в третьей – типа, подсобное помещение – вот в нем я и жил.

Обязанности у меня были очень неопределенные. Типа, прислуга за все. Начиная от ремонта всего, что в конторе сломалось или испортилось, и кончая беготней по магазинам за йогуртами для беременной Серегиной любовницы.

Ну, жилось мне в бытовом плане, в принципе, неплохо. Даже воровать, в основном, не приходилось. Девочки из бухгалтерии время от времени меня подкармливали, а шефова любовь Лариска всегда давала мне денег на покупки с избытком и сдачу брать отказывалась – типа, я это честно заработал.

Были у меня и еще источники доходов. По летнему времени в водопроводе был очень слабенький напор – все жители райцентра активно поливали свои огороды. Поэтому в нашей

пятиэтажке воду можно было набрать только из крана, который торчал из подвала – выше первого этажа вода не поднималась. А я не мог с детства спокойно смотреть на бабушек, которые таскали всякие тяжести. Поэтому поутру я всем желающим с верхних этажей таскал домой ведра с водой. Не всем, конечно. Только тем, кому, по мне, тяжело было. От денег я отказывался – у бабушек тогда пенсия была хрен поймешь, на что похожа. Но они были очень настырные, и не признавали бескорыстную помощь. Поэтому одна пихала мне стакан самогонки, другая – пакет с домашними пирожками, третья – всякие трусы-носки-рубашки. Ну, я в ответ чинил им все подряд – на что ума хватало.

А напротив нашей конторы в том же подъезде жила чеченская семья. Отец вроде рулил в местной диаспоре, маманя занималась хозяйством, а три сына – ну, они все разные были. Типа, один – спортсмен, второй – наркоша, а третий – ни рыба, ни мясо.

С этой самой маманей-соседкой – звали ее Мариной – я интересно познакомился. Раздался звонок в дверь. Открываю – стоит Марина, вся употевшая, руки трясутся, вот-вот заплачет. Вид у нее – вроде кого-то убили из родственников. Кое-как она мне объяснила свою трагедию. Перестала работать розетка, в которую втыкался телевизор. К другой розетке отнести волшебный ящик Марина не могла – кабеля антенны не хватало. А через несколько минут должна была начаться очередная серия «Рабыни Изауры»! И к соседкам она

не могла уйти смотреть кино – в духовке мясо запекалось.

У меня было явственное ощущение, что Марина готова на все для меня: «Боренька! Милый! Почини розетку! Аллах вознаградит тебя!» Ну, нам, татарам, черт одна. Взял я инструментишко, пошел и сделал розетку – там просто фаза отгорела. Марина сразу воткнулась в экран, только рукой помахала – типа, дуй по холодку, пока при памяти.

Ну, мне не привыкать к людской неблагодарности. Просто подумал: «Хрен тебе, а не помощь в следующий раз». Но – как обычно, поторопился я с выводами. Где-то через час опять звонок. Открыл —Марина. Принесла глубокую миску с запеченным мясом, помидоры-огурцы и чекушку чего-то типа чачи. Не слушая мои конфузливые брыкания, Марина зашла, все поставила на стол и заявила: «Боря! Ты не человек, а золото! Обращайся в любое время, чем смогу – помогу». Ну, наговорил я ей всяких спасибо и проводил на выход. И в этот момент как раз приехал ее муж. Он прошел к себе, глядя на жену с плохо скрытым удивлением. Но – промолчал.

А к чему я эту семью вспомнил? Да к тому, что скамейку, которая стояла под окном моей комнатухи, облюбовали как раз чеченцы. Почти каждый вечер они устраивали там сходняк. Свят-свят, чего я только не наслушался, лежа на своем топчане. Разговоры шли типа таких – что интересно, в основном по-русски: «Брат! Ты знаешь, что за свой базар надо отвечать? Ты взял деньги. Где два ящика гранат,... твою

мать, а?» «Магомед, я за свой базар всегда отвечаю. Прапор резину тянет! Я ему яйца отрежу и заставлю съесть, мать-мать-перемать!» «А меня это не е... ет! Если не будет гранат – я тебе уши отрежу. Жрать не буду заставлять. Я их на место гвоздями прибью, ты понял? На родине война идет, а вы тут кайфуете!» «Мага, я все понял...»

Сплошные гранаты, автоматы, тетешники, фигешники. Взрывчатка какая-то. Я лежал, слушал и в голову мысль приходила: «С одной стороны, они так вопят, что слышно до пятого этажа. А с другой стороны – как бы мне чего не отрезали, если узнают, что я тут рядом лежу...»

И зарулил ко мне как-то днем Руслан – средний сын Марины. Морда у него была кисло-сосредоточенная. Принес большой пакет хорошего чая. Ну, я сразу понял – что-то ему от меня нужно. Долго Руслан ходил вокруг да около, потом, наконец, разродился. Ему понадобилось укромное местечко, где он мог бы сварить для себя ханку. (Кто не в курсе – тому и не надо. Наркотик, короче, приготовить для употребления.)

Ну, у меня еще с лихой молодости отношение к наркоманам было... двоякое. Кто из них занимался литературой, живописью и прочим... искусством – я считал, что это их личное дело. И со многими имел прекрасные отношения. А вот в криминальных делах когда встречал эту публику – сразу срабатывала реакция отторжения. Сначала по рассказам старших, потом по своему печальному опыту – я убедил-

ся, что наркоши абсолютно ненадежный народ. Ломки начнутся – он за дозу мать родную продаст. А что там говорить о подельниках.

В общем, просьба Руслана у меня никакого восторга не вызвала. Но и просто выгнать его душа не лежала. Все же таки сын хорошей соседки, как-никак. Сошлись на компромиссе – он варит только один раз, и больше по этому вопросу не обращается.

Долго Руслан возился, то ему ложка понадобилась, то у него в зажигалке газ кончился. В конце концов он впорол себе одноразовый шприц в вену на сгибе левой руки, и развалился на стуле, пялясь в потолок. Потом... приход пришел. Передо мной появился жизнерадостный, энергичный человек с веселыми глазами. И этот человек сразу начал выяснять – нет ли у меня каких-нибудь проблем, от которых он может меня избавить.

Видно, на Урале капитально мне по чану дали и мозги перетрясли. Иначе как можно было объяснить, что я на трезвую голову предложил Руслану передать через своих кентов тем чеченцам, которые собирались у меня под окном – прекратит бакланить на всю округу про материальное обеспечение войны в Чечне. А Руслан расхохотался: «Боря! Братан! Нам здесь некого бояться! С нами никто не хочет ссориться! Но – хорошо! Я скажу, чтобы тебе больше спать не мешали! Хочешь уколиться? У меня еще осталось...» Еле выпихнул я этого живчика, которому очень хотелось общаться – неваж-

но, с кем.

А через два дня мне пришлось вспомнить Москву златоглавую. В смысле – что делать, когда тебя собрались убить, а тебе этого – ну, никак не хочется.

Короче, вечером позвонили в дверь. Открыл. Стоят два кавказца. Лица такие хорошие – типа, со стенда «Их разыскивает милиция». Один сразу очень смачно вварил мне в сплетение. Было больно, но я не отключился – в боксерские былые времена пресс я себе накачал очень приличный. А другой крендель стал прыскать мне в рожу из какого-то баллончика. Но, то ли газ долго хранился и потерял свои свойства, то ли это по запутке вообще был дезодорант для унитаза. В общем, в дряхлом «жигуле», куда меня затащили, я уже чувствовал себя вполне нормально. Но делал вид, что мне плохо. И ждал развития событий.

Лежал я на полу между сиденьями. Один крендель был за рулем, другой – сидел сзади, упирался в меня ногами. Говорили они мало: «Где мочить будем?» «Да за мостом, в посадке», «А лопата есть?» «На х.. тебе лопата! В речку скинем. Да кто его, бичару, искать будет...» «Это точно...»

Эх, ребята. Не уверен – не обгоняй! В том смысле, что даже курице голову оторвать – и то надо аккуратно к вопросу подходить. Чтоб без глаза не остаться. А уж бывшего московского братка с погонялом Хлыст жизни лишить – при том, что ему совсем это неинтересно – это вы явно поторопились.

Голова у меня во что-то упиралась в твердое. Скосил гла-

за и разглядел в полумраке – балонный ключ. Уже хорошо. Видно, когда через мост переезжали, машину начало трясти. Я под шумок схватился за ключ.

Остановились. Тот, что за рулем, спокойно так сказал: «Маслята жалко на него тратить. Вытаскивай, и просто ему голову отрежь. Больше не будет слушать, чего не надо. Давай, давай, тренируйся. Тебе скоро в Грозный ехать».

Ну, подумал я: «Кутить, так кутить!». Два без сиропа, пожалуйста». И коротким движением от всей души вогнал рукоятку ключа балонного в глаз тому, кто на мне сидел. Видно, здорово мне умирать не хотелось. Железка вошла в башку глубоко, клиент даже говорить ничего не стал. А у меня, кстати, и времени не было его слушать. Я вылез на сиденье, левой рукой схватил рулевого за волосы, а правой – вцепился в кадык. И, типа дедушки Сантьяго из любимой книжки «Старик и море», все свои калории отправил в руку и командовал: «Не подведи, покажи, на что способна!»

Рука показала. Разломал я всю глотку этому гангстеру липовому, за малым кадык не вырвал. Постучал он ножонками по педалям, и успокоился.

Не помню, сколько меня трясло. Но утих в конце концов. Сдвинул рулевого, сел за баранку. Шмонать жмуриков не стал – че-то тошно было. Развернулся, доехал опять до моста. Поставил машину поперек, нашел в багажнике монтажку, упер ее в педаль газа. А сцепление рукой держал. Заревел «жигуль», как в жопу раненый носорог. Бросил я

педаль сцепления и отпрыгнул. И улетела машинка, протаранив ограждение, вместе с пассажирами на самое дно самого глубокого ущелья. В смысле, в речку.

И пошел я потихоньку, размышляя на ходу: «Конечно, на меня вряд ли подумают. Тихий бродяга, безответный и не обижается особо, когда за работу не платят. Но если идея меня кончить этим жмурикам откуда-то попала, то может быть и продолжение. Короче, я хрен ее маму знает, что дальше делать...»

Услышал сзади шум мотора. Первая мысль была – прыгнуть в кусты. Потом передумал. Устал. Не каждый день в такие игры играю.

Тормознул «уазик», и оттуда вопль: «Боря! Вот ты-то мне и нужен! Залезай давай!» Оказалось, менты-опера из линейного отдела возвращались из Целинограда. Тесен мир, мля. Я каждому из четверых чего-нибудь строил бесплатно.

Первый вопрос у них был: «А какого хрена ты тут гуляешь? Ты же у Сереги сторожем был. Че, выгнал?»

Ну, я им рассказал правдивую историю про то, что меня на улице скрутили два корейца и два казаха и повезли в совхоз работать на луковых плантациях. По дороге они встретили какую-то машину с кавказцами, тормознулись и начали с теми базарить. Потом попер скандал какой-то. А я потихому сдернул и затырился в кусты. Потом меня поискали, покричали – и все разъехались. А я пошел потихоньку на рабочее место – сторожить.

Опера были веселыми, по ходу водку лопали и закусывали. Даже мне перепало малость.

Скинули менты меня около моей конторы и уехали. Дверь так и была открыта, так что я зашел спокойно. Достал из запасов два фанфурика огуречного лосьона, выдул их один за другим, и спать завалился. Типа, будь, что будет...

Что посеешь...

Ежли человек официально числится в окружающей среде бродягой – с ним может случиться все, что угодно.

Вот я как-то влип в чужие дела очень смачно. Жил в то время в заброшенной баньке. А по соседству кто-то у родителей председателя местного суда унес под покровом мрака четырех месячных поросят какой-то благородной породы. Естественно, родной сын поднял на уши все силовые структуры. Ну, менты у нас там были люди простые и прагматичные. На хрена им кого-то искать, если рядом под рукой живет бродяга. Хапнули они меня, привезли в райотдел и начали... склонять к чистосердечному признанию. Убедительно у них получалось. После пары часов убеждений мне стало все до того по барабану, что я и в убийстве Кеннеди признался бы.

Притащили меня к какому-то майору – типа, клиент созрел, во всем признался – а он посмотрел на меня, потом подошел вплотную, пальцем приподнял мне голову и как начал материться: «Мать-мать-перемать! Вы кого притащили-то? У него документов нету! И полкан линейного отдела предупреждал насчет него – если попадетсЯ, сразу отправлять к ним в отдел. Ищите другого, и чтоб хоть какой документ был». Майор вытер палец об китель притащившего меня мента и махнул рукой: «Пошли вон...»

В коридоре менты посоветовались, и решили, что у них нет времени меня в линейный отдел везти. Да и видок у меня был... явно не товарный. Хотели просто выгнать. Но один из ударов сапога попал мне сбоку колена в самый что ни на есть сустав. И встать на эту ногу я не мог – падал.

В общем, отвезли они меня к железной дороге и бросили в кустах. Ну, я, как человек привычный, для начала отключился в какую-то полудрему – организм потребовал.

Очнулся я от явственного ощущения, что кто-то лазает у меня по карманам. После ментов там чего-то найти? Странные люди... Потом вдруг услышал явно девичий голос: «Ох, и ничего себе! Это что – дядя Боря, что ль? А ну, завязывайте шмонать!» Мальчишеский голос ответил: «А все равно ни х...я у него нету. А ты че, Нинк, знаешь его?» Девчонка рывкнула, как старшина на новобранцев: «Знаю! Ну-ка, быстро воды принеси в чем хочешь, а ты, Ляпа, беги ко мне домой, отца приведи».

В общем, меня, как раненого в кино, приволокли на куске брезента в какой-то дом. По дороге я пытался объяснить, что меня надо к вокзалу оттащить, а там хрен с ними, с вокзальными ментами, пусть забирают. Но родитель этой крутой девахи послал меня далеко и сказал, что в каталажку я всегда успею.

Неделю где-то я у них отлеживался в пустом курятнике на хозяйских харчах и самогоне. Оклемался, к общему удовольствию.

А в процессе отлежки Нинка-картинка рассказала мне, откуда она меня знает, и почему прониклась таким глубоким сочувствием. Сам я с трудом вспомнил эту историю.

Шел я как-то по своим делам, услышал яростный басовитый лай. А потом увидел – здоровенная дворняга с явными признаками овчарки зажала в щель между гаражами девчонку лет десяти. И собака не может в щель эту влезть, и девчонка выбраться не может. А пес уже успел ей ногу располосовать. Ну, я по старой памяти скинул с себя куртку и намотал ее на левую руку. А в правую подобрал с земли обрезок арматуры. И говорю: «Слышь, кобель! Иди сюда, я тя перевоспитывать буду сейчас». Ну, пес явно обрадовался доступной добыче, и радостно ко мне бросился. А я сунул ему в пасть руку с курткой, и пока он ее пытался прожевать, приварил по балде арматурой. Все сходство с овчаркой сразу пропало. С жалобным визгом убегал от меня какой-то диванный мопсик.

Оторвал я рукава от тельняшки своей, замотал девчонке ногу. На том мы и распрощались.

А вот гляди ж ты! Женская память-то...

«Лопатой по голове... Это жестоко!»

Шеф мой Сергей как-то резко поднялся по бизнесу, и контора наша переехала в двухэтажный домик, где в советские времена располагались городские коммунальщики. К моим обязанностям прибавилась должность кочегара – я топил небольшой котел, который отапливал эту двухэтажку.

Жил и спал я прямо в кочегарке, поэтому вечно был чумазый, как папуас. Знакомые смеялись при встрече: «Всяких национальностей у нас полно. Вот и негр появился».

Девочки из бухгалтерии перестали меня подкармливать – Сергей, который семь лет не пил, был в завязке, потихоньку начал прикладываться. И это сразу отразилось на репутации его фирмы и доходах. Воду носить мне тоже стало некому – огородный сезон закончился, и водопровод исправно работал на всех этажах жилых домов.

Так что для удовлетворения моих потребностей мне пришлось наладить связи с окрестными ларьками. Туда я по ночам таскал уголь – в обмен на самопальную водку, сигареты и консервы «Килька в томате».

Все бы ничего. Но опять шефа моего начал раздражать женский вопрос. Его любовница Лариска взяла моду сидеть у меня в кочегарке. Приносила все время из дома что-нибудь съедобное, и плакалась мне на свою поломатую и колесами переехатую жизнь. Сергей обещал ей развод с женой и тор-

жественное бракосочетание с ней. Только поэтому Лариска и не сделала аборт. Теперь к врачам обращаться было уже поздно, а на вопросы о разводе Сергей нервно отшучивался и говорил: «Ну, потерпи! Не все сразу».

Я давно уже заметил, что пьющий народ, который завязывает с этим делом через всякие торпеды и кодировки – почти все они возвращаются на круги своя. И, чем дольше человек не пил, тем страшнее у него получается возврат.

Когда Сергей начал бухать – у него явно что-то с башкой сделалось. Всеми делами занимался главный инженер Вова – бывший тренер по баскетболу. А Сергей с утра начинал лечиться пивом, за которым посылал меня. А к обеду уже переезжал на водку.

Как-то шеф приперся ко мне в кочегарку с начатой бутылкой водки. Снял штаны, присел на уголь и стал срать, прихлебывая из пузыря. Потом вдруг ни с того, ни с сего начал у меня выяснять – стоит ли ему разводиться с Лизой и жениться на Ларисе. Я сразу отмежевался: «Это дело хозяйское, надо самому решать. И не мотать кишки ни жене, ни Лариске». Серега сразу расвирепел, разбил об стену недопитую бутылку и заорал: «Если я тебя, ссука... еще раз увижу около Лариски... Урою, как последнюю падлу, ты понял!!!»

Мое стремление жить тихо и не привлекать к себе внимания иногда принимало какие-то уродливые формы. В очередной раз пришла в кочегарку Лариса – в жилетку попла-

каться. Я, как мог, ее веселил, песни пел под гитару, уговаривал не психовать попусту, чтобы на ребенке не отразилось. И тут вломился полупьяный Серега. Молча подошел и въехал мне ногой по голове. Он был когда-то кмс по штанге, так что от удара я улетел в один угол, а гитара, жалобно звеня, в другой. Но Сереге этого было мало. Он продолжил меня месить – и ногами, и руками. Резкости в ударах у него не было, да я и уворачивался по-тихому. Ждал, когда Серега устанет, или ему просто надоест. Но тут Лариска вскочила, вцепилась ему в рубаху: «А ну, прекрати сейчас же! Не смей его трогать!»

Я же говорил, что у Сереги крыша явно поехала. Он развернулся, и со всего маху ударил Лариску кулаком по лбу. Естественно, она шлепнулась в кучу угля. Нда-а...

Я иногда сам на себя удивлялся. Меня он лупил – я ждал, пока ему надоест, и не брыкался. Но, когда этот пудель ударил будущую мать своего ребенка (красиво излагаю, да?) – он для меня стал сразу каким-то неодушевленным чучелом.

Я мягко встал, три шага разбег – и носком своего говнодава капитально засадил ему по печени. Серега сразу сел на жопу и застонал. А ботинок мой разлетелся вздрызг. У меня, по ходу, тоже крыша поехала. Взял я лопату и – от нашего стола вашему столу. С маху шархнул по Серегиной бестолковке. Что интересно – целился я в шею, и лопату держал параллельно полу. И только в последний момент и лопату развернул плашмя, и цель поменял. Ну, Сереге и так... от пуза

хватило.

А потом началась кишкомотина. Лариска в истерике падала на Серегу, который лежал индифферентно. То вскакивала и кидалась в меня кусками угля. И орала дурным голосом:

«Убийца! Разве можно... лопатой по голове! Это жестоко!»

В общем, хрен поймешь этих баб. Собрал я свой скудный гардеробчик и ушел к другому эксплуататору – Бауржану. Он давно меня звал.

Потом мне рассказали, что Сергей лежал в больнице, и ни хрена не помнит, почему он туда попал. И, что самое интересное – он опять пить бросил. Без всяких кодировок...

Папа напрокат

Шел я как-то по городку неизвестно куда. В состоянии средней поддатости. Прошло часа два, как меня выпустили менты из своего «дома отдыха», и я уже изыскал резервы у сочувствующего мне местного населения. Планов никаких не строил, знал, что неблагодарное это занятие. Просто гулял, как обычно, в ожидании – что-нибудь, да приключится.

Недолго мучилась старушка. То-есть, я хотел сказать – недолго фраер танцевал. Раздалось сзади громко-противное: «Ква-ква!», и к моему боку притерлась большая черная ауди. За рулем сидел Саня, у которого было несколько магазинов. Частенько я у него делал ремонты, реконструкции всякие. Платил Саня по-божески. Поэтому я на него уставился весьма заинтересованно.

Ну, дело оказалось простое. Саня этот, имея жену и двух сыновей, лет восемь назад совершенно нахально завел себе любовницу, которая родила ему еще и дочку. И жили вот так, и вроде как всех все устраивало.

Короче, Саня предложил мне пожить в летней кухне у его любовницы и привести в порядок дом и все хозпостройки. Обещанная сумма меня вполне устроила, я согласился.

Расположился я в летней кухне, и начал... приводить все в порядок. Крышу на доме перекрыл, печи везде переложил, пол в доме новый настелил. Штукатурки было много. Саня

на стройматериалы денег не жалел, поэтому дела у меня шли шустро.

С хозяйкой Гульнаррой отношения были нормальные. Она не ленилась каждый раз по утрам спрашивать – что я хочу на обед. А я ржал: «На обед? А что дадут!» По воскресеньям Гуля топила баню и выдавала мне свежее постельное белье. Ну, свои трусы-майки я никому не доверял – сам стирал.

А вот с семилетней дочкой, которая была тоже – Гуля (Айгуль), я как-то быстро скентовался. Она несколько дней ко мне приглядывалась, а потом пришла, и попросила меня научить ее играть на гитаре. А мне че – жалко, что ль?

Эта маленькая Гулька оказалась девчонкой настырной, и к концу месяца она уже бойко брэнчала на моей гитаре и очень красивым своим голосом пела маме «Постой, паровоз...» и «Из колымского белого ада...» Большая Гуля хохотала до икоты и просила меня научить дочку какой-нибудь песне... попроще.

И вообще. Маленькая Гулька умница была не по годам. Только глаза мне ее не нравились. Даже когда она смеялась – глаза оставались какими-то... еврейскими. С вековой печалью. Я понимал, что неуютно по жизни ходить, когда папа приходящий. Но легче мне от этого понимания не делалось. Я просто старался почаще малышку веселить.

Ну, и достарался. Подошло первое сентября. Гульке предстояло идти в первый класс. А она слонялась по двору, как печальное привидение. Гитару не трогала, ко мне не подхо-

дила.

А потом... потом такой суп с котом начался! Пришла ко мне хозяйка, мялась, мялась – а потом и выдала: «Боря! У нас к тебе просьба. Я понимаю, что дико звучит, но дочка очень просит. Давай, ты первого сентября с нами в школу на линейку сходишь?»

Сказать, что я охренел – это ничего не сказать. У меня приключилась куриная истерика. Я вопил: «Ну, ладно, она маленькая! А ты-то, кобыла, каким местом думала?! Меня знают все, как облупленного, алкаш-бродяга – и пришел, дай Бог здоровья, папу изображать! И Саня твой потом мне же и яйки оторвет. От полноты чувств!» Гульнара вздохнула, рукой махнула: «Саша с нами не пойдет. Ну, ладно, Боря. Прости». И ушла.

А потом малая пришла. Взяла гитару и запела: «Не жди меня, папа, хорошую дочку...» Мать-мать, я извиняюсь, перемать. Слова никакие меня бы не пробили. А вот взгляд Гулькин – убил напрочь. И... все.

Видок у меня на торжественной линейке был... эlegantный, как рояль. Гульнара постаралась. Меня даже не все узнавали. А Айгуль вцепилась мне в руку и почему-то очень гордо поглядывала по сторонам. Один знакомый, Серега, подошел и на ухо: «Борька, так это твоя? Ну, ты молодец!» Потом подрулил еще один поддатый приятель и стал ржать. Я ничего не успел – Серега его оттащил в сторону и угостил о-очень смачной оплеухой. Больше тот не ржал.

К вечеру я выпросил у Гульнары пару бутылок водки и от печалей своих налимонился. Сидели с обеими Гульками, пели на два голоса «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»»

Одному Богу теперь известно, чем все это могло кончиться. Но мне на улице дали по башке и увезли в дальний совхоз строить кошары для овец. А когда через год я вернулся, то узнал, что Саня тот с семьей основной уехал в Россию. А Гульнара с дочкой – в Актау...

Как я сам себе могилу выкопал

Я копал смотровую яму в гараже Бауржана. А сам шеф шлындал туда-сюда, что-то невнятно бормоча себе под нос. Потом вдруг резко тормознулся и рывкнул: «Ну, х... с ним! Попробуем!» Я глянул на него вопросительно, а Бауржан махнул рукой: «Копай, это я не тебе». Достал из кармана мобилу и опять начал ходить взад-вперед.

До меня доносились только обрывки его разговора: «Чингиз, дело такое... Я беру по семьдесят пять долларов за тонну... Нет, продаю с гарантией – как минимум, по девяносто... Десять идут тебе, а уж пять, ты меня, конечно, извини, оставляю себе... Да нет, дом у меня хороший, машина тоже есть, все у меня есть... Да просто засиделся я, охота поработать... Лады... Лады... Все, жду тебя!» Бауржан топнул ногой, подбросил и поймал телефон и подмигнул мне: «Вот как дела делаются!»

На следующий день появился тот самый Чингиз с тремя телохранителями убойного вида. Приехали они на джипе «Туарег», который по сравнению с полуубитым шестисотым мерсом Бауржана выглядел, как денди лондонский рядом с бомжом.

«Туарег» загнали в гараж, и Бауржан при гостях показал мне свой кулачишко: «Если хоть один комар сядет на эту машину – это будет последний день твоей жизни. Ты понял,

обормот?» Маленький пузатенький шеф своими угрозами даже вызвал улыбку на лице Чингиза.

Банкет по случаю приезда важного гостя проходил на свежем воздухе. За столом сидели только шеф и гость. Телохраниели уныло слонялись по двору. Мы с женой и старшей дочкой шефа изображали обслуживающий персонал и носились туда-сюда со всякой посудой. Жратвы разнообразной было море, выпивки всякой – тоже хоть залейся. Это Бауржан колотил понты перед Чингизом – в подтверждение своих слов, что у него все есть, просто поработать хочется. Но я-то знал, что все угощение покупалось на деньги, которые шеф еле выпросил у своих знакомых под людоедские проценты.

А тут оказалось, что Чингиз вообще не пьет ни водки, ни коньяка, ни вина, ни пива. Чай, кумыс, айран – вот были его напитки. Пришлось и Бауржану сделать вид, что бухло его тоже мало интересует, и что оно приготовлено специально для гостя.

Меня в этом банкете больше всего интересовал я сам. Исходя из лозунга дяденьки Мичурина – «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» – я тихо-мирно в процессе беготни притырил в своем тайнике несколько больших кусков копченой конины и четыре бутылки водки. (Потом жена шефа Альфия обнаружила недостачу, и в кочегарке провели тщательный обыск. Но вещдоков не нашли, сам я был трезвый, и кониной от меня не пахло. Поэтому Бауржан плюнул и сказал: «Значит, это Чинги-

зовы мордovorоты сп... ли».)

Короче, выдал Чингиз деньги на покупку зерна Бауржану. И предупредил, чтобы отдача была в условленный день. Бауржан пучил свои честнейшие глаза, он был готов на Коране поклясться – типа, век свободы не видать, все будет чики-чики. Уехал Чингиз со своими быками на «Туареге» во-свояси.

А дальше... дальше начались сплошные геморрой. Зерно-то Бауржан купил – как и говорил, по семьдесят пять долларов. Тысячу тонн. Но, когда продажная цена была девяноста, он всем отказывал. Ходил у меня по кочегарке, хитро ухмылялся: «Я подожду. Через пару недель, как обычно, цена дойдет до сотни за тонну. Вот тогда я и спихну все. На х... я бы я пахал за пятерку с тонны!»

Доухмылялся. Год на год не приходится. Дождался Бауржан, что цена съехала до семидесяти долларов за тонну. Урожайный был год. И уже подкрадывался день, когда надо было рассчитывать с Чингизом.

И залег мой шеф на дно. В том смысле, что машину свою поставил за домом, а сам позакрывал все двери и сидел безвылазно внутри. Со мной был проведен жестко-истерический инструктаж – типа, кто бы ни спросил, отвечать, что к Бауржану приехали какие-то люди, мне незнакомые, и они все вместе уехали. А дома никого нет. На что рассчитывал шеф своими захоронками – я понять не мог. Да меня это особо и не интересовало. До поры до времени.

Как-то поутру я услышал – кто-то библикает у ворот. Вышел, а там – вот те здрасте. Чингиз собственной персоной. И три его быка. Чингиз улыбнулся мне: «Здорово, командир! Где шеф твой?» В соответствии с полученными инструкциями я пожал плечами: «Я бы и сам хотел это знать. Три дня, как все укатили неизвестно куда. Мне ничего не сказали. А я уже последний хрен без соли доедаю». Чингиз пристально на меня посмотрел, помотал головой и достал из бумажника тысячу тенге: «На, подкормись». Чтобы не выходить из роли, я рассыпался в благодарностях и взял деньги. Но на душе сразу стало муторно.

А один из телохранителей подошел к Чингизу: «Босс, что-то мне все это не нравится. Давай, мы в дом по-тихому зайдем? Глянем, что и как...» Чингиз подумал: «Валяйте. Только аккуратно все. Я через часок вернусь». Сел один в машину и уехал.

Тут я малость растерялся. Вставать грудью на защиту входной двери не имело никакого смысла – уж больно здоровы были ребята. Был бы в доме один Бауржан – я бы плюнул на все, да и встал бы по-быстрому на лыжи. Но там же были и жена его, и две дочки. А я по Москве помнил, что есть такие быки, которым по барабану, кого бить по голове.

Заступил я им дорогу и начал нести какую-то ахинею про свою материальную ответственность, про сигнализацию и про обрез под матрасом. Увернуться я не успел.

А очнулся – я лежу в выкопанной своими руками яме в га-

раже, и меня шустро засыпают глиной. В принципе, с самого начала моей бродяжки я смерти не боялся. В смысле, всегда был готов крякнуть. Но такой способ – я извиняюсь. Уж очень... неуютный. Приподнял голову – и тут же получил по ней лопатой.

Второй раз я очнулся уже засыпанный. Глина была комковатая, поэтому дышать пока было чем. Потом я услышал глухие невнятные крики, и меня выкопали обратно. Как я понял, Чингиз вернулся раньше времени, увидел всю эту херню и рассердился. Когда меня вытащили на свет Божий, я сразу заметил, что у двух быков вдрызг разбиты носы, а у третьего нижняя челюсть смотрела куда-то в сторону.

Чингиз отвел меня в сторону: «Напугался? Перестарались ребята. Но скажи ты мне – чем тебе так уж дорог этот Бауржан, что ты даже умереть за него готов?» Я выплюнул кусок глины: «Вот уж совсем я не готов. Просто привык – взялся что-то делать – так делай. Откуда ж мне было знать, что все вот эдак повернется». Покопался в кармане и протянул Чингизу тысячную купюру, которую он мне дал. А Чингиз отмахнулся: «Брось. Это не Иудины сребреники. Я и без тебя знаю, что этот хмырь дома. Когда подъезжал – видел, что шторы двигались. И вот ведь падла какая! Тебя тут убивают, а он хрен вышел. Главное – своя шкура. А на остальных ему насрать». Он опять махнул рукой: «Ладно. Передай своему идиоту, чтобы завтра в десять утра был у меня со всеми бумагами на зерно. Иначе я эту его хавиру вместе с ним и се-

мьей из гранатометов в пыль разнесу. Он меня знает. А ты – вали отсюда. Найди себе хозяина попримечнее».

Ближе к ночи я постучал в окно. Оно открылось и высунулся Бауржан: «Ну че, свалили? Че он говорил?» Я все передал в подробностях. Шеф набычился: «Да гандон он штопаный! Я молдаванам свистну – они ему такие гранатометы устроят! До х...я этот Чингиз про себя думает! Ладно, Боря. Держись настороже, они ведь могут ночью и вернуться». Вот тут-то я и сообщил своему... бывшему шефу пренеприятнейшее известие – типа, ухожу я. Не нравится мне, когда меня живьем закапывают, а шеф из-за шторы подслушивает. Бауржан завопил: «Да это они тебя на понт брали! Напугать хотели! А я и не слышал ничего, я спал в это время! Неужели ты окажешься такой сукой, Боря? Бросаешь в трудный момент!»

Смотрел я на него, смотрел. Молча повернулся и ушел. Если у человека вместо совести хрен на лбу вырос – ему бесполезно что-то объяснять. А вслед мне неслись крики: «Я тебя все равно найду и кишки выпущу!»

Водка, лыжи и смысл жизни

Водка – десять бутылок. Консервы «Килька в томате» – пятнадцать банок. Хлеб – три бубона. Чай «Ассам» – две большие пачки. Пантюшки (в смысле, конфеты) «Клюква» – полкило. Сигареты «Полет» – десять пачек. И – это все. Все, что я смог купить на те деньги, которые получил за сооружение печки на пять колодцев с выводом трубы через потолок и крышу. Сумма, конечно, смешная за такую печь, но – спасибо и на этом.

Бывали, и не раз, случаи, когда мне наливали стакан разбавленного спирта и говорили: «А теперь, бичара, вали отсюда, пока целый...» Бродягу без документов любой обидеть может. А ведь... и под драным ментовским бушлатом может биться благородное сердце...

Ладно. Я уложил покупки в мешок, распрощался с Гулькой-продавщицей, еще раз поздравил ее с Новым наступающим и пошкандыбал домой.

Дом мой представлял из себя пристройку к здоровенному курятнику-крольчатнику (который тоже я строил). Хозяин разрешил мне тут перезимовать с условием, что я буду убираться в сарае и топить печку. В принципе, куры-кролики и без печки обычно зимуют. Тем более что сарай был из самана – теплый. Но хозяина бедным назвать никак нельзя было, так что лишняя машина угля – это для него была мелочь.

Зато, как он говорил: «Морозы у нас за сорок, потому не хочу я дергаться. Я их лучше съем, чем они в сосульки превратятся».

Свет у меня в пристройке был – я сам приладил скрытую петлю в месте крепления счетчика. Поэтому у меня постоянно работала здоровенная самодельная электроплитка – диаметром с полметра. Пристройка была небольшая, в ней помещались топчан и иаленький столик. И еще оставалось полметра квадратного для прогулок. Поэтому плитки вполне хватало для обогрева в любую погоду. По крайней мере, спал я без бушлата.

Наконец, добрался я до места назначения. По дорожке прошел до сарая, кстати, уборка снега тоже на мне была. Зажег в пристройке свет, скинул бушлат и стал разгружаться. От щедрот хозяин мне отдал старенький телевизор. Я его сразу включил – под музыку оно как-то веселее.

Время было где-то часа три, поэтому я рассчитывал проводить старый год с чувством и с толком. И – с расстановкой. Запихнул все покупки под топчан, открыл одну банку кильки, налил полстакана водки и – «Будьте здоровы, Борис Федорович! Спасибо. Всегда пожалста... Нормально, Григорий? Отлично, Константин!»

Теперь надо было заняться приготовлением горячих блюд. У хозяина была своя пекарня, и он мне сразу подкинул два мешка муки. Поэтому фирменным блюдом в моем ресторане были галушки. С различными добавками. Когда

они бывали – эти добавки.

Я взял кастрюлю... и завыл. Мать-мать-мать-перемать... Соли-то у меня нету! «Штоб тебя на том свете так галушками кормили!» – сказал сам себе. Но... хочешь не хочешь, а идти опять в местный «супермаркет» придется. Хлопнул я еще полстакана, посидел, покурил. Напялил бушлат и поперся в свой скорбный путь.

Проходя мимо автобусной остановки, заметил на скамейке маленькую скукоженную фигурку. Интересное кино – думаю. Автобусы не ходят, в такси – не содют, за неимением таковых. Подошел, тронул фигурку за плечо: «Не спи, замерзнешь!»

В данной ситуации это была совсем не шутка. Человечек поднял голову и сердито сказал: «Чего надо?» Это оказался пацанчик лет десяти. Явно совсем недавно плакамши. Я бухнулся на скамейку рядом с ним: «Да мне особо ничего не надо. Кроме того, штобы ты тут дуба не дал. Где живешь-то?»

Пацан шмыгнул сопливым носом: «Ну, на Калинина...» – и, не дожидаясь следующего вопроса, добавил: «Там гости собрались. Все уже почти пьяные...»

Я засунул руку под бушлат и почесался: «И че? Еще неделю все тут пьяные будут. А ты так и будешь здесь пингвина изображать?» Пацан прерывисто вздохнул: «Да не. Посижу... и обратно пойду». И вдруг его как прорвало: «Дядь, ну почему люди обещают, честное слово дают, а потом обманывают?»

Вот это, подумал я, вопросик. Мне б кто объяснил это... явление природы. Я плечами пожал: «Всяко бывает. Может, не было у человека просто возможности – обещание выполнить. Хотя, братишка, по мне – лучше не обещать. А просто сделать...»

Пацан кивнул: «Отец, когда так не пил, он так и делал. А теперь только обещает...» Я пихнул его локтем: «Ежли не секрет, че он тебе пообещал-то?» «Лыжи беговые. Я свои сломал на горке. Ребята все катаются. А он говорит, не получилось в этот раз, а со следующей полочки – обязательно, говорит. А я ему уже не верю...»

«Нда-а... Хреновые дела...» – подумал я. По себе знаю, что такие обломы в детстве переживаются очень тяжело. Жить даже дальше не хочется – беспросветная тьма впереди мерещится... Йе-эх! Сто раз зарекался не лезть в чужие дела...

В общем, если коротко, Гулька-продавщица долго таращила на меня раскосые глаза, когда принес ей обратно почти все свои покупки (оставил себе один пузырь и пару пачек сигарет). Все спрашивала: «Да что случилось-то?» А я ржал: «Профессию меняю. В Деды Морозы ухожу. Хочешь, тебе женишка в полночь в мешке приволоку?» Гулька махала рукой: «Да ну тебя!

Денег на лыжи не хватило, но обычно суровая Айгуль дала в долг. Видели бы вы глаза того пацанчика!.. Водка что – ее выпил и забыл. А вот счастливый человек запоминается

надолго. Он начал что-то мямлить: «А отец спросит – откуда взял?»

Я хлопнул его по плечу: «А ты сразу не показывай. А потом скажешь, что это он сам и купил. Он хрен вспомнит!» Пацан засмеялся: «Это точно!»

Наелся я галушек без добавок и не стал дожидаться двенадцати часов – завалился спать. Спалось мне на удивление хорошо...

Диклофенак и ствол

Работал я тогда у одного хохла по имени Тарас. У него был безразмерный гараж, в который запросто бы вошел камаз-рефрижератор. А у самого Тараса был занюханный «Москвичок», который к тому же постоянно стоял во дворе. А в гараже у хохла был склад не знаю для чего, и маленький загон на пяток поросят.

Ну, это я так сказал, что не знаю – для чего был склад. В те года в наших краях пышным цветом цвело производство самопальной водки. Везли отовсюду спирт, пробки, этикетки, акцизные марки. Тогда в райцентре было много брошенных домов и производственных строений. Вот в них-то и оборудовались подпольные цеха. Хотя не очень-то они были и подпольные. Весь городок знал – а менты тем более – где, что и почем. Руководили всем этим хозяйством местные кавказцы. Работали в цехах все, кому не лень. Оформляться не надо было, текучесть кадров была... как в горной речке. Платили-то в основном продукцией. А если работяга напивался на рабочем месте на халяву, то ему ломали ребра, или ключицы. Для примера остальным.

Отвлекся я, пардон. В общем, у Тараса в гараже был склад привезенного спирта. Синие пузатые пластмассовые бочки по двести литров. Их привозили и сгружали в гараж. Потом в течение дня их разбирали поштучно – какому цеху сколько

надо. А пустые бочки привозили обратно. (В этих пустых я с десяти бочек набирал где-то полтора литра спирта.)

В общем, штукатурил я по-новой гараж Тараса. И как-то утром встал и не смог разогнуть шею. Жена Тараса Люда работала в райбольнице старшей медсестрой, и сразу поставила мне диагноз: «Боря, провалиться мне на этом месте – у тебя остеохондроз!» И выдала упаковку «Диклофенака» с обещаниями, что и болеть перестанет, и шея будет гнуться.

Тарасу я сказался больным, и он дал мне отгул. Запил я пилюли приличной дозой разбавленного спирта из своей заначки, и пошел гулять. Около вокзала мне что-то резко поплохело. Потом уже я узнал, что диклофенак со спиртом может действовать, как клофелин с водкой.

Хватило у меня сил только добраться до кустов у железнодорожных путей. Завалился я в заросли – и отключился.

Очнулся я от каких-то воплей и грохота, похожего на выстрелы. Открыл глаза – небо звездное, фонари горят. От это я, думаю, поспал. И тут неподалеку раздался громкий топот, и в мои кусты что-то влетело и упало рядом со мной. А вместо топота уже был слышен шум и крики: «Добегался, сука! Куда ствол дел? За эту пальбу ты у меня, гандон, на всю катушку сядешь!»

Нда. Вечер явно перестал быть томным. Я узнал хорошо мне знакомые ментовские интонации, и счел за благо свалить оттуда по-тихому. Предмет, который прилетел в кусты, я пощупал осторожно. Он-то и оказался тем самым стволом

ТТ, про который интересовался мент не знаю у кого.

Ну, все бичевские тропки я знал наизусть, поэтому ушел я оттуда незамеченным.

На следующий день, погулявши по базару, я узнал, что вчера около вокзала менты захомутали местного бандюга-на с погонялом Аркан. Он, убегая, прострелил колесо ментовскому «уазику», что ими было приравнено к покушению на жизнь сотрудника милиции. А вот саму пукалку – так и не нашли. Говорили, что менты и собак приводили, и все кусты повырубили бичи из спец-приемника. А ствола-то и нету. Так что адвокатше Евгении Моисеевне даже не пришлось особо напрягаться, чтобы Аркана выпустили под подписку.

С Арканом я был знаком. Ну, как знаком – несколько раз бухали в одной компании, служил он в армии под Москвой – типа, земляк. Любил он еще слушать мои песни под гитару. Но Аркан был наркоша, поэтому я в друзья к нему не лез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.